

ЗОДЧИЙ И РЕВОЛЮЦИЯ: АРХИТЕКТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН*

**Илья Печенкин
Юлия Старостенко
Анна Вяземцева**

Научно-исследовательский институт
теории и истории архитектуры и градостроительства,
Москва, Россия

THE ARCHITECT AND THE REVOLUTION: ARCHITECTURAL LIFE IN RUSSIA IN TIMES OF CHANGE**

**Ilya Pechenkin
Yulia Starostenko
Anna Vyazemtseva**

Scientific Research Institute of Theory and History
of Architecture and Urban Planning,
Moscow, Russia

When describing the history of twentieth-century Russian architecture, it is common to separate (and even oppose) the pre-revolutionary decades and the early Soviet period of the 1920s. Thus, the revolutionary months of 1917 proper have been completely overlooked by researchers as unworthy and capable of shaking the existing historiographical model. Such an approach, dictated by ideological considerations, is no longer justified today and requires revision. The study of periodicals of the second half of the 1910s and archival materials, a great number of which have not been introduced into academic circulation, convince us that the years of the

* Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. в рамках плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.2.31.

** *Citation:* Pechenkin, I., Starostenko, Yu., Vyazemtseva, A. (2020). The Architect and the Revolution: Architectural Life in Russia in Times of Change. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 473–487. DOI 10.15826/qr.2020.2.475.

Цитирование: Pechenkin I., Starostenko Yu., Vyazemtseva A. The Architect and the Revolution: Architectural Life in Russia in Times of Change // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 473–487. DOI 10.15826/qr.2020.2.475 / Печенкин И., Старостенко Ю., Вяземцева А. Зодчий и революция: архитектурная жизнь России в эпоху перемен // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 473–487. DOI 10.15826/qr.2020.2.475.

First World War and the revolution were marked by significant changes in the minds of architects. Many things which had previously seemed fundamental for the collective identity of architects became subject to problematisation, and aesthetic categories were replaced by political criteria in the professional press. The architectural process started to be described by its participants in terms of struggle, while the self-identification of members of the architectural corporation lay between the search for survival tactics and taking part in the transformation of the country's inner life. The novelty of the data presented in this article is due to the virtual absence of special studies devoted to this extremely important period in twentieth-century Russian architectural history.

Keywords: architecture and town-planning in 20th century Russia; Russian revolution; First World War; professional communities; Imperial Academy of Art.

В истории российской архитектуры XX в. сложилась устойчивая традиция разделять и противопоставлять дореволюционные десятилетия и ранний советский период 1920-х гг. В результате революционные месяцы 1917 г. выпадали из поля зрения исследователей как не заслуживающие внимания и вызывающие сомнения в описанной историографической модели. Такой подход, продиктованный идеологическими соображениями, не является оправданным и требует пересмотра. Изучение периодики второй половины 1910-х гг., а также архивных материалов, существенная часть которых до сего времени не была введена в научный оборот, убеждают, что годы Первой мировой войны и революции были отмечены значительными сдвигами в сознании архитекторов. Проблематизации подверглись многие понятия, казавшиеся прежде фундаментальными для корпоративной идентичности зодчих, на смену преобладавшим в риторике профессиональных изданий эстетическим категориям пришли критерии политического рода. Архитектурный процесс стал описываться его участниками в терминах борьбы, а варианты самоидентификации для представителей архитектурного цеха в революционную эпоху простирались от поисков тактики выживания до решительного включения в работу по переустройству внутренней жизни страны. Новизна представленного в статье материала обусловлена практически полным отсутствием в историографии специальных исследований, посвященных этому короткому, но чрезвычайно важному для понимания судеб отечественной культуры начала XX в. периоду.

Ключевые слова: архитектура и градостроительство в России в начале XX в.; Русская революция; Первая мировая война; профессиональные объединения; Императорская Академия художеств.

Одной из существенных проблем исторического архитектуроведения применительно к материалу первой четверти прошлого века является установка на обособленное рассмотрение дореволюционной и советской эпохи. Весьма показательна в этом отношении статья Ф. Ф. Надъярных (1964 г.) о состоянии архитектурной школы России накануне революции [Надъярных]. Фундаментальным для статьи был тезис о глубоком противоречии между прогрессивностью зодчих и реакционными взглядами на архитектуру правящих классов.

И хотя идеологическая заданность в научных суждениях – дело прошлого, концепция разделения истории архитектуры на до и после революции 1917 г. по-прежнему находила отражение в трудах крупнейших специалистов [Борисова, Каждан; Кириченко; Градостроительство России; Хазанова]. В качестве редкого исключения стоит назвать статью А. А. Стригалева, который впервые обратил внимание на своеобразие периода Первой мировой войны как «подготовительного» для начала советской эпохи истории искусства и архитектуры [Стригалева]. Рассматривая ситуацию августа 1914 – октября 1917 г., исследователь уделил внимание событиям революционных месяцев, хотя принцип жесткого отделения советского от дореволюционного остался. Показательна попытка преодоления этого разрыва в монографии М. Г. Мееровича, посвященной отечественной градостроительной политике 1917–1929 г. [Меерович]. Но наиболее продуктивными для идеи о непрерывности истории отечественной архитектуры первой половины XX в. стоит считать исследования творчества конкретных зодчих, в карьере которых объединились дореволюционный и ранний советский периоды (см. работы В. Г. Лисовского).

Западные исследователи архитектуры XX в., обращаясь к материалу России – СССР, редко анализируют дореволюционный опыт, и в весьма специфическом ракурсе. Как правило, основное внимание уделяется авангардным проявлениям в изобразительном искусстве 1910-х гг., создавшим предпосылки для формирования советского архитектурного авангарда (или советской версии межвоенного архитектурного модернизма) [см., например: De Feo; Colquhoun]. Исключениями являются работа Ф. Даль Ко и М. Тафури [Tafuri, Dal Co], а также отчасти коллективная монография «Градостроительство в тени Сталина» [Градостроительство в тени Сталина]. Однако в целом архитектурно-градостроительная проблематика, начиная с проектов 1920-х гг., освещается вне связи с дореволюционной ситуацией, реалиями войны или событиями февраля-октября 1917 г. [World architecture 1900–2000]. Такое умолчание в зарубежной научной литературе восходит к ситуации конца 1910-х гг., когда культурная коммуникация между странами была затруднена обстоятельствами военного времени, а профессиональная периодика была занята проблемой военных разрушений и восстановления городов. После разрыва дипотношений, связанного с приходом к власти большевиков и продлившегося много лет, западный наблюдатель (а вслед за ним

и западные исследователи следующих поколений) и вовсе потеряли из вида события, происходившие в русской художественной жизни на острие исторического перелома¹.

Представление европейцев о современном русском искусстве как о своеобразной смеси архаики и новаторства было сформировано в начале XX в. «Русскими сезонами», музыкой И. Ф. Стравинского, искусством Н. Н. Гончаровой, О. В. Розановой, А. П. Архипенко, Н. К. Рериха, Л. С. Бакста, активно выставлявшихся в западных галереях; наконец, экзотическим «русским стилем» павильонов Российской империи на международных выставках (последним стал павильон, выстроенный в 1914 г. для Венецианской биеннале по проекту А. В. Щусева). Но о новом «пролетарском» или «революционном» искусстве и архитектуре на Западе начали писать только после 1920 г. Первой монографией о «новом искусстве в России» стала книга К. Уманского [Umanskij]. За публикацией последовала *Russische Ausstellung* в Берлине 1922 г., крупная экспозиция на Венецианской биеннале 1924 г., впечатлившая зарубежного зрителя [Paladini], после нее состоялось и триумфальное участие в парижской Выставке декоративных искусств 1925 г., на которой прогремел советский павильон К. С. Мельникова, заложивший основу своего рода мифа «архитектуры русского авангарда» на Западе.

Иные причины обусловили появление аналогичной лакуны в трудах отечественных авторов, занимавшихся темой становления «советской культуры». Почти все они также обходили вниманием период двоевластия, фокусируясь на событиях октября-декабря 1917 г. [см., например: Из истории строительства советской культуры; Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры]. Исключениями стали вышедшие в 1980-х гг. работы В. П. Лапшина и О. Н. Знаменского, хотя архитектура и архитекторы ими упоминаются сугубо вскользь [Лапшин; Знаменский]. Знаменский, впрочем, позволяет читателю увидеть причину такого «заговора молчания», когда цитирует слова архитектора О. Р. Мунца, который «в программной статье („Архитектурно-художественного

¹ В начале 1920-х гг. встречались публикации о «современной» архитектуре в России, написанные на дореволюционном материале. Так, в 1921 г. Марчелло Пьячентини в журнале «Architettura e arti decorative» в своей статье о международной архитектуре посвятил несколько абзацев России. Внимание Пьячентини привлекла «деревенская» архитектура, «которая невероятно свежа и заставляет нас думать о том, как могли бы строить мы наши церкви и виллы» (здесь и далее пер. с ит. А. Г. Вяземцевой) [Piacentini, p. 43]; автор привел в пример церковь в Натальевке Щусева (1908–1913). В той же статье Пьячентини отметил и неоклассическую тенденцию в русской архитектуре, назвав ее «классикой третьей варки», за исключением «некоторых гениальных мастеров, сумевших освободиться от такой риторики, оставаясь на территории классики, как архитектор Шреттер в его Петроградских банях». На самом деле Пьячентини имел в виду грязелечебницу в Ессентуки, построенную по проекту Е. Ф. Шреттера в 1913–1915 гг. Напомним, что незадолго до начала войны в Венеции был открыт павильон России по проекту А. В. Щусева в неорусском стиле (1913), а неоклассические павильоны на Всемирной выставке в Италии в Турине и Риме 1911 г. были спроектированы В. А. Шуко и были, безусловно, известны Пьячентини.

еженедельника”. – И. П., Ю. С., А. В.) “Заря свободы и вечное искусство” писал, что до революции архитекторы “почти не испытывали, надо иметь смелость сознаться”, гнета самодержавия, как художники» [Знаменский, с. 98]. Иными словами, архитекторы, зачастую связанные заказами с высшими слоями общества, были общественной группой, заинтересованной в стабильности и сохранении прежнего режима больше, чем в радикальных переменах.

Переоценка ценностей

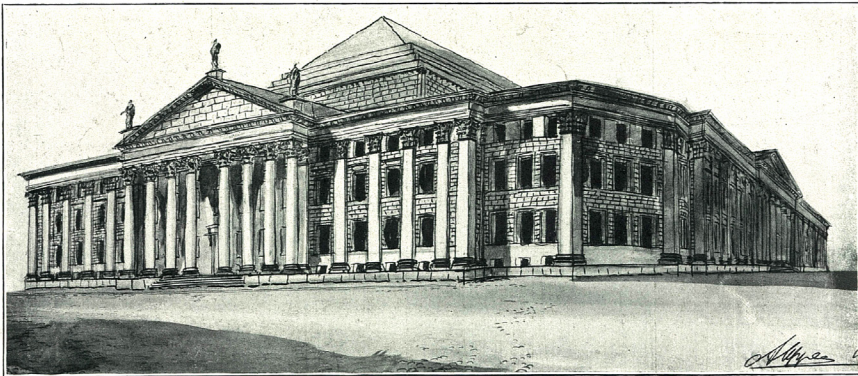
Для понимания ситуации, в которой оказалось архитектурное сообщество к февралю 1917-го, следует учитывать опыт нескольких военных лет. В 1915 г. в Петербурге должен был пройти X Международный архитектурный конгресс. По понятным причинам он не состоялся, да и столичного города с таким названием уже не было на карте. Состоявшемуся в Москве в 1913 г. V Съезду русских зодчих было суждено оказаться последним; его труды так и не были опубликованы. Похожая участь ждала и многие архитектурно-градостроительные замыслы. Например, было заморожено строительство квартала «Новый Петербург» по проекту И. А. Фомина и Ф. И. Лидваля, инициированное итальянским промышленником Риккардо Гуалино, опиравшимся на английский капитал. После октября 1917 г. стройка была национализирована, а Гуалино даже в 1931 г. не мог смириться с этой потерей:

Мой грандиозный проект возвести на пустынных землях новый современный город с широкими набережными и улицами, полными зелени, моя надежда дать новый импульс всему столичному строительству сегодня похоронены, уничтожены ненавистной кражей. «Новый Петербург» живет в моем сознании и в моем сердце как сон, прерванный пробуждением, как память о несправедливости судьбы [Gualino, p. 48]².

Аналогично сложилась судьба проекта по переустройству Тучкова буяна (авторы О. Р. Мунц, М. Х. Дубинский, И. А. Фомин) [см. подробнее: Басс, с. 145–283] и нового здания Николаевского вокзала (арх. В. А. Щуко) в Петербурге, по расширению здания Коммерческого института в Москве (арх. А. В. Щусев) [Печенкин, с. 212–215] и многочисленных проектов «городов-садов», концепция которых была чрезвычайно популярна в России 1910-х гг.

Имели место попытки интерпретировать обстоятельства войны как благоприятные для развития отечественной архитектуры. «Война отрезала нас от Запада, – писал И. А. Фомин в начале 1915 г., – естественно поэтому и правильно твердое решение русского общества

² Когда в 1919 г. в условиях послереволюционной разрухи И. А. Фомин возглавил Архитектурно-планировочную мастерскую Совета по урегулированию плана Петрограда и его окраин при Совете коммунального хозяйства Петрограда, он не возвратился к проекту «Нового Петербурга», ограничившись лишь завершением начатых зданий.

А. В. Щусев. Проект здания Коммерческого института в Москве // Ежегодник Общества архитекторов-художников. 1914–1916

A. V. Shchusev. Project of the building of the Commercial Institute in Moscow // *Ezhegodnik obshchestva arkhitektorov-khudozhnikov*. 1914–1916

заняться благоустройством существующих наших курортов и устройством новых» [Фомин, с. 378]. «Освобождение» от обременительного германского влияния стало лейтмотивом публикаций в профессиональной прессе этих лет. Знаток петербургской старины В. Я. Курбатов сетовал на пагубность чрезмерного доверия немецким источникам в сфере истории искусства [Курбатов, с. 250], архитектор Г. Е. Гинц вскрывал варварскую природу и художественную ничтожность модерна (порождения германского вкуса) [Гинц, с. 261], а харьковский гражданский инженер А. М. Гинзбург рассказывал о том, насколько подчиненной оказалась отечественная строительная практика германским производителям материалов и оборудования [Гинзбург]. Эти здравые рассуждения хорошо вписывались в русло патриотической пропаганды, одной из тем которой стал вандализм противника в отношении памятников культуры и искусства. Разрушения, причиненные германцами осенью 1914 г. в Реймсе и Лувене, активно обсуждались на страницах российских архитектурных изданий и были осуждены в официальном заявлении Императорской Академии художеств (далее – ИАХ) [В Императорской академии художеств].

На этом фоне обострилось внимание к собственному архитектурному достоянию, понимавшемуся не только как конкретные памятники, но и как самобытная строительная традиция. В марте 1915 г. под непосредственным покровительством Николая II было учреждено «Общество возрождения художественной Руси», преследовавшее цель «освободиться от влияний последнего времени на окружающую повседневную обстановку домашней жизни, полную попыток отразить образцы иностранного искусства» [Хроника, 1915, с. 35]. Зримое выражение это направление мысли получило в первую очередь в постройках Царского Села, таких как Государева Ратная палата,

в которой разместился Музей текущей войны (арх. С. Ю. Сидорчук, 1913–1917), или казармы собственного его императорского величества конвоя (арх. В. Н. Максимов, 1915–1916).

Однако неблагоприятное для России развитие событий на фронте в 1915 г. существенно повлияло на бытовые реалии. Год спустя ввиду подорожания материалов и дефицита рабочих рук было полностью свернуто возведение построек, не связанных с государственной необходимостью [Литовский, с. 126]. Пострадала и архитектурная школа. Например, в Высшем художественном училище при Академии художеств (ВХУ ИАХ) из-за необходимости экономить топливо и параллельной занятости учащихся на различных военно-инженерных курсах работа в проектных мастерских была ограничена светлым временем суток, сроки выполнения учебных проектов были продлены, а сами задания подверглись упрощению [РГИА. Ф. 789. Оп. 33. Д. 37. Л. 197, 223, 224, 225]³. В апреле 1917 г. выяснилось, что некоторые из оканчивающих курс ВХУ несут обязанности городских милиционеров, ввиду чего занятия идут «не вполне нормально». В итоге срок представления работ на соискание звания художника-архитектора был перенесен с мая на конец октября [РГИА. Ф. 789. Оп. 33. Д. 38. Л. 103].

Лишние люди?

Хотя в годы Первой мировой войны из России эмигрировали многие представители творческой интеллигенции, архитекторов среди них было немного. Зодчие станут уезжать главным образом уже после Октябрьской революции⁴. Большинство же из них, включая уехавшего на историческую родину шведского подданного Лидваля, не сумели успешно продолжить карьеру за границей, получая только единичные заказы. Некоторые вообще не имели возможности строить и занимались живописью, графикой или историей архитектуры. Очевидно, что архитекторы, осознавая специфику своей профессии, а также отдавая себе отчет в не самых благоприятных условиях послевоенного будущего, искренне рассчитывали на возможность продолжения деятельности в России. Александр Белобородов, например, в декабре 1916 г. закончил реконструкцию апартаментов Феликса Юсупова и его супруги Ирины Александровны Романовой (именно в них вскоре был убит Григорий Распутин) и едва ли мог предполагать катастрофические следствия крушения монархии. Ведь и сами Юсуповы покинули Россию лишь после октября 1917 г.

³ С 1915 г., например, стало необязательным представлять вид бокового фасада и отмывку детали, что не могло не отразиться на результатах обучения.

⁴ В списке фамилий указываем год эмиграции: Л. М. Браиловский (1918), Ф. И. Лидваль (1918), А. Я. Белобородов (1919), Г. К. Лукомский (1920), Альберт Н. Бенуа (1924), М. Х. Дубинский (1918?), Н. И. Исцеленов (1920), Н. П. Краснов (1919), С. В. Ноаковский (1918), М. С. Ляевич (1918), А. И. Владовский (1918) связали дальнейшую судьбу с получившими независимость окраинами бывшей империи (двое первых – с Польшей, последний – с Эстонией).

В Российской империи начала XX в. действовали серьезные ограничения на прием в высшие учебные заведения представителей ряда социальных групп, в частности, женщин и евреев. Кроме того, было распространено мнение об отсталости отечественного художественного и архитектурного образования. Эти факторы в совокупности с угрозой очутиться в действующей армии делали для многих желанной учебу за рубежом. Именно по такому пути шел Б. М. Иофан, будущий автор утвержденного проекта Дворца Советов в Москве и одна из центральных фигур сталинской архитектуры [Конышева].

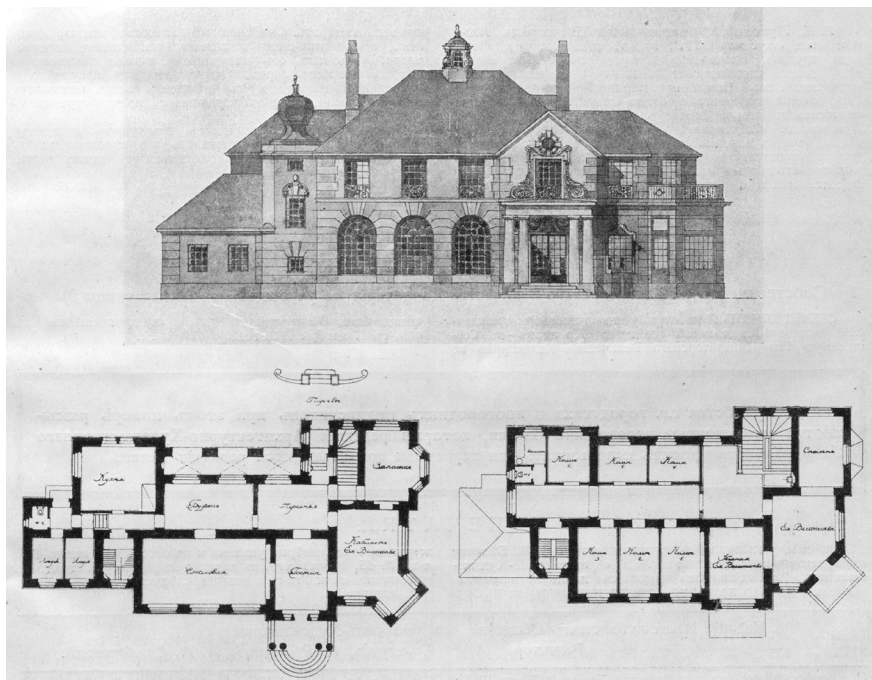
В 1916 г. он закончил Институт архитектуры при Академии художеств в Риме (в котором учился начиная с 1914 г.) и начал сближаться с русской диаспорой [Patti, p. 26–79]. В разгар революционных потрясений, случившихся в России, Иофан принял участие в выставке «Художников и любителей» при читальне Гоголя с серией работ, которая включала небольшой офорт, изображавший интерьер Пантеона [Esposizione artisti ed amatori russi residenti a Roma, № 46–52]. В той же выставке участвовали Н. Н. Гончарова и М. Ф. Ларионов во время работы над декорациями для дягилевских балетов. Локализация в 1917 г. в Риме европейских художников, в том числе и выходцев из России, произошла по причине удаленности итальянской столицы от театра военных действий. Как вспоминала скульптор Екатерина Барянская, в Риме «едва ли можно было вспомнить, что за его пределами шла война» [Barjansky, p. 43].

«Заря свободы»

Надежды А. Я. Белобородова сохранить положение любимого зодчего элиты в новых социально-политических реалиях были не такими беспочвенными: некоторые протагонисты архитектуры 1910-х гг. даже заняли после февраля 1917-го государственные должности при новом правительстве. Все они были сметены следующей революционной волной всего через несколько месяцев. Показателен пример А. И. Таманова, который занял при Временном правительстве и занимал вплоть до начала 1918 г. должность комиссара Академии художеств (равную позиции вице-президента). Высокий пост, впрочем, не был удовлетворительной компенсацией разрушенной карьеры придворного зодчего, перспектива которой забрезжила перед ним накануне крушения старого режима в виде великокняжеских заказов. Состоявший в родстве с Тамановым Александр Бенуа записал в начале марта 1917-го:

Но вообще он заметно подавлен событиями, которые лично для него едва ли представляются желательными. Едва человек успел вступить на первые ступени той лестницы, которая вознесла бы его до положения какого-то русского Мансара, а тут все вокруг полетело к черту [Бенуа, с. 128]⁵.

⁵ Очевидно, Бенуа намекает на назначение Таманова в 1916 г. в Технический комитет при Кабинете его величества и на начатую им работу над проектом усадебного дома для великой княгини Ольги Александровны, которую ему было не суждено завершить.

А. И. Таманов. Проект дома в усадьбе великой княгини Ольги Александровны в Воронежской губернии // Архитектурно-художественный еженедельник. № 52. 1916. 28 дек.

A. I. Tamanov. Project of the estate house of Grand Duchess Olga Alexandrovna in Voronezh Province // *Arkhitelturno-khudozhestvennyi ezhenedel'nik*. No. 52. Dec., 28. 1916

Сам Александр Николаевич в те же дни выступил с идеей учреждения «самостоятельного ведомства изящных искусств» и энергично принялся за ее воплощение. По слухам, распространившимся в Петрограде почти сразу после известия об отречении Николая II, новое ведомство должно было появиться в результате преобразования Министерства императорского двора, в подчинении которого находилась ИАХ [Охрана художественных ценностей]. На пике «la belle époque» вообще была популярна мысль о необходимости возвести заботу о прекрасном на уровень государственной политики. В частности, в качестве одной из резолюций VIII Международного архитектурного конгресса, прошедшего в Вене в 1908 г., значилось следующее:

Правительствам настоятельно предлагается учредить особые министерства изящных искусств или, по крайней мере, особые отделения (sections), специально ведающие интересы искусства. В состав таких министерств или отделений входят наиболее выдающиеся художники. Так как архитектуру нужно рассматривать как объединение всех изящных искусств, то архитекторы должны быть представлены в министерстве или отделении в наибольшем числе [цит. по: Доклад председателя, с. 38].

Именно А. Н. Бенуа оставался одним из тех, кто продолжал настаивать на выделении художественного в особую сферу, автономную от политических соображений. Он возглавил комиссию, призванную детально разработать проект будущего министерства и определившую необходимость создания семи комиссий по отраслям искусства [Хроника, 1917а; Лапшин, с. 87]. В комиссию по архитектуре вошли люди одного круга – состоявшие в ОАХ выпускники мастерской Л. Н. Бенуа в ВХУ ИАХ В. А. Покровский, И. А. Фомин, А. И. Таманов (Таманян), а также В. Я. Курбатов [Хроника, 1917б]. Примечательно, что среди тех персон, привлечение которых к работе в новом министерстве А. Н. Бенуа посчитал нежелательным, числился А. В. Щусев [Лапшин, с. 88]. Большую работу выполняла «Комиссия Горького», в центре внимания которой находилась в первую очередь судьба «брошенных дворцов, представляющих художественную ценность, и прежде всего имущества, находящегося в этих дворцах» [Там же]. В эти дни М. Горькому удалось консолидировать вокруг себя едва ли не все представительные художественные силы. Наряду с литераторами, музыкантами и живописцами, в состав комиссии был включен архитектор И. А. Фомин⁶. Уже 5 марта (даты приводятся по старому стилю) в результате беседы членов комиссии с министрами Временного правительства и комиссаром по делам искусства Н. Н. Львовым был образован комиссариат для охраны художественных ценностей, известный впоследствии как Особое совещание по делам искусств [Охрана художественных ценностей]. В его состав вошел также Г. К. Лукомский, сотрудничавший впоследствии во Всероссийской коллегии по делам музеев, а с мая возглавивший Царскосельскую художественно-историческую комиссию, которая вела работы по описи и реставрации памятников Царского Села, занималась каталогизацией художественных предметов, принадлежавших императорской семье.

В подобных околоправительственных органах архитекторы были востребованы прежде всего как эксперты в вопросах сохранения и спасения художественного наследия. К марту 1917 г. относится эпизод, хорошо показывающий двусмысленность положения архитекторов в революционном Петрограде. Городской совет постановил провести 10 марта «всенародные общегражданские» похороны жертв февральских событий на Дворцовой площади. А. Н. Бенуа записал в дневнике:

И снова тревога, так как, по слухам, хоронить «жертв революции» собираются на площади Зимнего дворца, где со временем предполагается соорудить грандиозный памятник. <...> Тут является и опасность, как бы стотысячная толпа, которую привлечет погребальное шествие, под влиянием каких-либо шальных демагогов не ринулась бы на самый дворец и заодно на Эрмитаж! [Бенуа, с. 144].

⁶ Сведения о персональном составе комиссии довольно противоречивы. Согласно некоторым источникам, помимо И. А. Фомина, в ней заседал архитектор В. А. Щуко [Лапшин, с. 74; Знаменский, с. 181].

Делу был дан ход, армейские саперы уже начали исследование почвы на месте планируемого захоронения и памятников, коих предполагалось установить целых два симметрично напротив главного фасада Адмиралтейства: один – посвященный жертвам революции, и другой – декабристам [Доклад комиссии, с. 75]. Группе зодчих и историков Петербурга-Петрограда, объединившихся вокруг ОАХ, только при поддержке М. Горького удалось убедить рабочих и солдатских депутатов в целесообразности перенести кладбище на территорию Марсова поля, где оно и было открыто 23 марта [Измозик, Лебина, с. 76–77]. Разумеется, это было компромиссное решение в пользу «меньшего из зол».

* * *

В ракурсе истории архитектуры и архитектурной жизни России события революционного 1917 г. неразрывно связаны с Первой мировой войной. Период февраля-октября 1917 г. имел свои особенности. Во-первых, происходила политизация профессионального дискурса фактически безо всякого давления со стороны власти. Во-вторых, война поколебала представление о непреходящей ценности архитектурного академизма, школа была вынуждена считаться с вызовами текущего дня. В-третьих, актуализировались вопросы профессиональной самоорганизации зодчих ввиду ужесточения условий работы и падения объемов строительства. Все эти факторы формировали новую идентичность русских зодчих, которые, несмотря на известную замкнутость своей корпорации, оказались ввергнутыми в бурную деятельность по переустройству страны после февраля 1917 г. Индивидуальные сценарии поведения в этих условиях могли быть разными, но наиболее амбициозные и удачливые представители поколения, ступившего на профессиональное поприще в 1900-е гг., постарались вписаться во вновь выстраиваемую управленческую иерархию посредством коллаборации с Временным правительством либо через активное участие в строительстве новых общественных организаций.

Список литературы

Басс В. Г. Петербургская неоклассическая архитектура 1900–1910-х годов в зеркале конкурсов: слово и форма. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2010. 486 с.

Бенуа А. Н. Дневник. 1916–1918. 3-е изд. М. : Захаров, 2016. 736 с.

Борисова Е. А., Каждан Т. П. Русская архитектура конца XIX – начала XX века. М. : Наука, 1971. 240 с.

В Императорской Академии художеств // Архитектурно-художественный еженедельник. 1914. № 30. С. 275.

Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры, 1917–1927 / под ред. М. П. Кима. М. : Наука, 1985. 526 с.

Гинзбург А. Роль Германии в русской строительной промышленности // Зодчий. 1915. № 16. С. 155–159.

Гинц Г. Война и архитектура // Архитектурно-художественный еженедельник. 1914. № 28. С. 261.

Градостроительство в тени Сталина : Мир в поисках социалистического города в СССР, 1926–1935 / сост. Х. Боденшатц, К. Пост. Берлин : Verlagshaus Braun, 2015. 415 с.

Градостроительство России середины XIX – начала XX века : в 3 т. / под ред. Е. И. Кириченко. М. : Прогресс – Традиция, 2001. Т. 1. Общая характеристика и теоретические проблемы. 340 с.

Доклад комиссии по устройству братской могилы жертв революции // Архитектурно-художественный еженедельник. 1917. № 10–14. С. 75–76.

Доклад председателя Моск[овского] Архитектурного О[бществ]а академика Ф. О. Шехтеля о поездке его на VIII международный конгресс архитекторов в Вене // Записки Московского архитектурного общества. 1909. Т. 2. № 3. С. 37–40.

Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917 г.). Л. : Наука, 1988. 349 с.

Из истории строительства советской культуры. Москва, 1917–1918 : документы и воспоминания / сост., общ. ред. и предисл. В. Н. Кучина. М. : Искусство, 1964. 384 с.

Изозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы. СПб. : Крига, 2010. 248 с.

Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. М. : Искусство, 1978. 400 с.

Коньшьева Е. «Комплекс превосходства»: павильон СССР на Всемирной выставке в Париже и советская культурная дипломатия // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 1. С. 161–182. DOI 10.15826/qr.2018.1.289.

Курбатов В. Лувен // Архитектурно-художественный еженедельник. 1914. № 23. С. 250.

Лапишин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М. : Сов. художник, 1983. 495 с.

Литовский И. М. Строительство казарменно-жилищного фонда и объектов социальной инфраструктуры для русской армии в России (1882–1917 гг.). Исторический опыт : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2009. 256 с.

Меерович М. Г. Градостроительная политика в СССР, 1917–1929 : От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 347 с.

Надьярных Ф. Ф. Русская архитектурная школа накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Исследования по истории архитектуры и градостроительства. М. : Моск. арх. ин-т, 1964. С. 245–282.

Охрана художественных ценностей // Речь. 1917. № 56. 7 марта. С. 2.

Печенкин И. Е. Здание Коммерческого института в Москве : К истории отечественной неоклассики начала XX века // Архитектурное наследство. Вып. 67. СПб. : Коло, 2017. С. 202–217.

РГИА. Ф. 789. Оп. 33. Д. 37, 38.

Стригалева А. А. Специфические черты архитектуры России в период между началом Первой мировой войны и Октябрьской революцией // Проблемы истории советской архитектуры (исторические предпосылки и начальный этап развития) : сб. науч. тр. / под ред. А. А. Стригалева. М. : ЦНИИТИА, 1985. С. 6–30.

Фомин И. Роль архитектора в деле устройства русских курортов // Архитектурно-художественный еженедельник. 1915. № 41. С. 378.

Хазанова В. Э. Советская архитектура первых лет Октября, 1917–1925. М. : Наука, 1970. 214 с.

Хроника // Архитектурно-художественный еженедельник. 1915. № 3. С. 35.

Хроника // Речь. 1917а. № 58. 9 марта. С. 7.

Хроника // Речь. 1917б. № 61. 12 марта. С. 6.

Barjansky C. Portraits with Backgrounds. N. Y. : Macmillan Company, 1947. 223 p.

Colquhoun A. Modern Architecture. Oxford : Oxford Paperbacks, 2002. 288 p.

De Feo V. URSS. Architettura 1917–1936. Roma : Riuniti, 1963. 186 p.

Esposizione artisti ed amatori russi residenti a Roma : catalogo della Mostra (Roma, Biblioteca Gogol', marzo 1917). Roma : [S. n.], 1917. S. p.

Gualino R. Frammenti di vita. Milano : Mondadori, 1931. 236 p.

Paladini V. Arte nella Russia dei Soviets. Il padiglione dell'U. R. S. S. a Venezia. Roma : La bilancia, 1925. 38 p.

Patti F. Boris Iofan (1891–1976). Dagli anni romani all'ascesa professionale in Unione Sovietica. Politecnico di Torino ; Politecnico di Milano, 2009. 377 p.

Piacentini M. Il momento architettonico all'estero // Architettura e arti decorativi. 1921. A. 1. № 1. P. 32–76.

Tafuri M., Dal Co F. Architettura contemporanea. Milano : Electa, 1976. 426 p.

Umanskij K. Neue Kunst in Russland. 1914–1919. Potsdam : Gustav Kiepenheuer ; München : Hans Goltz, 1920. 31 p.

World Architecture 1900–2000 : A Critical Mosaic. Vol. 7. Russia – USSR – CIS. / ed. by K. Frampton, Yu. Gnedovsky. Wien ; N. Y. : Springer, 1999. 251 p.

References

Barjansky, C. (1947). *Portraits with Backgrounds*. N. Y., Macmillan Company. 223 p.

Bass, V. G. (2010). *Peterburgskaya neoklassicheskaya arkhitektura 1900–1910-kh godov v zerkale konkursov: slovo i forma* [St Petersburg Neoclassical Architecture of the 1900s and 1910s as Reflected in the Mirror of Architectural Competitions: Word and Form]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 486 p.

Benois, A. N. (2016). *Dnevnik. 1916–1918* [A Diary, 1916–1918]. 3rd Ed. Moscow, Zakharov. 736 p.

Bodenschatz, H., Post, C. (Eds.). (2015). *Gradostroitel'stvo v teni Stalina. Mir v poiskakh sotsialisticheskogo goroda v SSSR, 1926–1935* [Town Planning in Stalin's Shadow. The World Seeking a Socialist Town in USSR, 1926–1935]. Berlin, Verlagshaus Braun. 415 p.

Borisova, E. A., Kazhdan, T. P. (1971). *Russkaya arkhitektura kontsa XIX – nachala XX veka* [Russian Architecture between the Late 19th and Early 20th Centuries]. Moscow, Nauka. 240 p.

Colquhoun, A. (2002). *Modern Architecture*. Oxford, Oxford Paperbacks. 288 p.

De Feo, V. (1963). *URSS. Architettura 1917–1936*. Roma, Riuniti. 186 p.

Doklad komissii po ustroistvu bratskoi mogily zhertv revolyutsii [Report of the Commission for the Organisation of a Common Grave for Revolution Victims]. (1917). In *Arkhitekturno-khudozhestvennyi ezhenedel'nik*. No 10–14, pp. 75–76.

Doklad predsedatelya Mosk[ovskogo] Arkhitekturnogo O[bshchestva] akademika F. O. Shekhtelya o poezdke ego na VIII mezhdunarodnyi kongress arkhitektorov v Vene [A Report by the Chairman of the Moscow Architectural Union of Academician F. O. Schekhtel about His Trip to 8th International Congress of Architects in Vienna]. (1909). In *Zapiski Moskovskogo arkhitekturnogo obshchestva*. Vol. 2, No. 3, pp. 37–40.

Esposizione artisti ed amatori russi residenti a Roma. *Catalogo della Mostra (Roma, Biblioteca Gogol', marzo 1917)*. (1917). Roma, S. n. S. p.

Fomin, I. (1915) Rol' arkhitekora v dele ustroistva russkikh kurortov [The Architect's Role in the Establishment of Russian Resorts]. In *Arkhitekturno-khudozhestvennyi ezhenedel'nik*. No. 41, p. 378.

Frampton, K., Gnedovsky, Yu. P. (Eds.). (1999). *World Architecture 1900–2000. A Critical Mosaic. Vol. 7. Russia – USSR -- CIS*. Wien, N. Y., Springer. 251 p.

Ginz, G. (1914). Voina i arkhitektura [War and Architecture]. In *Arkhitekturno-khudozhestvennyi ezhenedel'nik*. No. 28, p. 261.

Ginzburg, A. (1915). Rol' Germanii v russkoi stroitel'noi promyshlennosti [The Role of Germany in the Russian Building Industry]. In *Zodchii*. No 16, pp. 155–159.

Gualino, R. (1931). *Frammenti di vita*. Milano, Mondadori. 236 p.

Izmozik, V. S., Lebina, N. B. (2010). *Peterburg sovetskii: "novyi chelovek" v starom prostranstve. 1920–1930-e gody* [Soviet Petersburg: A "New Human" within the Old Environment]. St Petersburg, Kruga. 248 p.

- Khazanova, V. E. (1970). *Sovetskaya arkhitektura pervykh let Oktyabrya, 1917–1925* [Soviet Architecture of the Earliest October Years, 1917–1925]. Moscow, Nauka. 214 p.
- Khronika [Chronicle]. (1915). In *Arkhiturno-khudozhestvennyi ezhenedel'nik*. No. 3, p. 35.
- Khronika [Chronicle]. (1917a). In *Rech'*. No. 58. 9 March, p. 7.
- Khronika [Chronicle]. (1917b). In *Rech'*. No. 61. 12 March, p. 6.
- Kim, M. P. (Ed.). (1985). *Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya i stanovlenie sovetskoi kul'tury, 1917–1927* [The Great October Socialist Revolution and the Formation of Soviet Culture, 1917–1927]. Moscow, Nauka. 526 p.
- Kirichenko, E. I. (1978). *Russkaya arkhitektura 1830–1910-kh godov*. [Russian Architecture of the 1830s–1910s]. Moscow, Iskusstvo. 400 p.
- Kirichenko, E. I. (Ed.). (2001). *Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX – nachala XX veka v 3 t.* [Russian Town Planning from the Mid-19th to Early 20th Centuries. 3 Vols.]. Moscow, Progress – Traditsiya. Vol. 1. Obshchaya kharakteristika i teoreticheskie problemy 340 p.
- Konysheva, E. (2018). “Kompleks prevoskhodstva”: pavil'on SSSR na Vsemirnoi vystavke v Parizhe i sovetskaya kul'turnaya diplomatiya [Superiority Complex: The Pavilion of the USSR at the Exposition Internationale in Paris and Soviet Cultural Diplomacy]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 1, pp. 161–182. DOI 10.15826/qr.2018.1.289.
- Kuchin, V. N. (Ed.). (1964). *Iz istorii stroitel'stva sovetskoi kul'tury. Moskva, 1917–1918. Dokumenty i vospominaniya* [From the History of the Construction of Soviet Culture. Moscow, 1917–1918. Documents and Memories]. Moscow, Iskusstvo. 384 p.
- Kurbatov, V. (1914). Luven [Leuven]. In *Arkhiturno-khudozhestvennyi ezhenedel'nik*. No. 23, p. 250.
- Lapshin, V. P. (1983). *Khudozhestvennaya zhizn' Moskvy i Petrograda v 1917 godu* [Moscow and Petrograd Artistic Life in 1917]. Moscow, Sovetskii khudozhnik. 495 p.
- Litovskii, I. M. (2009). *Stroitel'stvo kazarmenno-zhilishchnogo fonda i ob'ektov sotsial'noi infrastruktury dlya russkoi armii v Rossii (1882–1917 gg.)*. *Istoricheskii opyt* [The Building of Barracks and Apartment Blocks for the Russian Army in Russia (1882–1917). Historical Experience]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 256 p.
- Meerovich, M. G. (2017). *Gradostroitel'naya politika v SSSR, 1917–1929. Ot gorodasada k vedomstvennomu rabochemu poselku* [Urban Governance in USSR, 1917–1929. From the Garden City to the Corporative Worker Town]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 347 p.
- Nad'yarnykh, F. F. (1964). Russkaya arkhitekturnaya shkola nakanune Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [The Russian School of Architecture on the Eve of the Great October Revolution]. In *Issledovaniya po istorii arkhitektury i gradostroitel'stva*. Moscow, Moskovskii arkhitekturnyi institut, pp. 245–282.
- Okhrana khudozhestvennykh tsennostei [The Protection of Artistic Treasures]. (1917). In *Rech'*. No. 56. 7 March, p. 2.
- Paladini, V. (1925). *Arte nella Russia dei Soviets. Il padiglione dell'U.R.S.S. a Venezia*. Roma, La bilancia. 38 p.
- Patti, F. (2009). *Boris Iofan (1891–1976). Dagli anni romani all'ascesa professionale in Unione Sovietica*. Politecnico di Torino, Politecnico di Milano. 377 p.
- Pechenkin, I. E. (2017). Zdanie Kommercheskogo instituta v Moskve. K istorii otechestvennoi neoklassiki nachala XX veka [The Moscow Commercial Institute Building. On the History of Russian Neoclassicism in the Early 20th Century]. In *Arkhiturnoe nasledstvo*. Iss. 67. St Petersburg, Kolo, pp. 202–217.
- Piacentini, M. (1921). Il momento architettonico all'estero. In *Architettura e arti decorative*. A. 1. No. 1, p. 32–76.
- RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 789. List 33. Dos. 37, 38.
- Strigalev, A. A. (1985). Spetsificheskie cherty arkhitektury Rossii v period mezhdu nachalom Pervoi mirovoi voyny i Oktyabr'skoi revolyutsiei [Specialties of Russian Architecture Between the Beginning of World War I and the October Revolution]. In Strigalev, A. A. (Ed.). *Problemy istorii sovetskoi arkhitektury (istoricheskie predposylki*

i nachal'nyi etap razvitiya). *Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, Tsentral'nyi nauchno-issledovatel'skii institut teorii i istorii arkhitektury, pp. 6–30.

Tafari, M., Dal Co, F. (1976). *Architettura contemporanea*. Milano, Electa. 426 p.

Umanskij, K. (1920). *Neue Kunst in Russland. 1914–1919*. Potsdam, Gustav Kiepenheuer, München, Hans Goltz. 31 p.

V Imperatorskoi Akademii khudozhestv [At the Imperial Academy of Arts]. (1914). In *Arkhitekturno-khudozhestvennyi ezhenedel'nik*. No. 30, p. 275.

Znamenskii, O. N. (1988). *Intelligentsiya nakanune Velikogo Oktyabrya (fevral'-oktyabr' 1917 g.)* [The Intelligentsia on the Eve of the Great October (from February to October 1917)]. Leningrad, Nauka. 349 p.

The article was submitted on 13.07.2019